АНДРЕЙ РАСТОРГУЕВ

НА ПОГРАНИЧЬЕ ПЕРВОВЕЩЕСТВА

Андрей Нитченко. Водомер. Стихи, записные книжки.
Составление и предисловие Юрия Беликова. – М.: Алгоритм, 2005.

Книгу автора, отмеченного какой-нибудь из многих литературных премий, невольно читаешь иначе других. Приходится прилагать дополнительные усилия, чтобы не превратить обычное читательское «кто ты?» в чуть ли не соперническое «а кто ты такой?». Награду же 22-летний тогда Андрей Нитченко из Республики Коми в 2005 году получил уже вторую: к Гран-при «Илья-премии», которую вручил ему годом ранее фонд памяти рано и случайно ушедшего из жизни московского поэта Ильи Тюрина, прибавилось лауреатство в номинации «литература духовного поиска» независимой общероссийской премии «Дебют».

Однако первая книга Андрея «Водомер», вышедшая опять же в 2005 году всего лишь полутысячным тиражом в серии лауреатов той же «Илья-премии», вполне достойна разговора сама по себе, без отвлечения на рассуждения о случайностях и закономерностях попадания или непопадания в столичные литературные тусовки.

Ты ли бежишь над собственным отраженьем,
или оно над тобой с той стороны?
Может, не отраженьем звать – притяженьем?
Тонкой преградой разъединены.

Стоя на берегу, с той стороны увижу
контуры облаков, ивы, себя чуть-чуть.
Но не смогу ступить, там повториться. Ты же
вечен, малыш, стоит перевернуть

точно часы, если иссякнет лето,
маленький пруд с ряской у берегов.
Так потечёт назад жизнь твоя незаметно
до наступления холодов…

В загадочное пограничье двух первовеществ, воды и воздуха, Андрей, безусловно, всмотрелся отнюдь не первым. Однако сходство совокупности надводного мира и его отражения с песочными часами, которое совершенно по-новому соединяет пространство и время, похоже, углядел только он. И дальше совершенно естественно следует: «*…Место в лесу, странное место снится,// где обитателям некуда умереть…*». И незаметен миг, когда, отбегая от упавшей с неба или с камышового листа капли, маленький водомер соприкасается со своим собратом-жучком и меняется с ним отражениями.

Открытый читателю в первом и заглавном стихотворении книги, этот перевёртыш тут же воспроизводится в следующем: обращаясь к своему телу с просьбой отпустить его, «*как дом отпускает гостей*», лирический герой Андрея не может разобрать, «*кто водой отражаемый, кто отраженье в воде*». Или чуть дальше: «*Открыв мои глаза, деревья стали// свидетелями собственного сна…*». Эти зеркальные повторы возводят отдельную находку в эстетический принцип, что и подтверждают дневниковые заметки автора, составившие последний раздел книги. «*…Я перестаю различать, вверх или вниз идет снег за окном…*». Или: «*Я – зеркало речи…*».

В тех же записях немало и других перекличек со стихами. «*Я беру морской камешек и представляю, что не было и нет ничего и нигде в мире, кроме меня и его. И в него вмешается все мое чувство беспредельности, все знание о мире…*». А в стихотворной части – целый раздел «Камни». «*…Весь словарь обретается здесь:// вот вкрапление, выступ – без них// речи не опознаешь…*».

Или наоборот: в той же части после уже упомянутой просьбы к телу об отпуске в следующем стихотворении снова: «*Почему я чую по ночам,// будто бы пытаюсь встать из тела?…*». А в другом: «*Смерть – это как// в детстве отъезд из деревни…*» – и дальше целый перечень реальных узнаваемых с детства примет: выгон, сад, школа за поворотом, колодец с ледяной водой, кусты черной смородины, лай собак… В дневнике же – ответ на вопрос (заданный самому себе?) «Часто ли вы думаете о смерти?»: «*Настолько часто, насколько я думаю вообще. Дело в том, что её сознание – основа любой сколь-нибудь глубокой мысли…*».

Тогда же, над книгой, подумалось: что это? Если мальчуковые игры с огнем, следы подростковых мыслей о суициде или спокойные размышления и вправду рано повзрослевшего человека – пусть их.

Однако не приведи Господь, если зёрнышки идеи-фикс, от которой поэтические юноши время от времени пополняют скорбные поминальные списки…

Последнее показалось менее вероятным. Уж очень жизнелюбивые открытия (из дневника: «*стих-отворение*») рассыпаны по нитченковским стихам: ладони обожжены осенним листом; гора «*ягненком уткнулась туче в живот*», огонек свечи бьётся с темнотой, словно маленький фехтовальщик; поливальные машины вальсируют на рассвете; ветер, запоминая, ощупывает лицо «*слепой пятерней*»; «*набегающие гласные*» гудят; «*…береза зябнет, как без варежки рука…*». И по той же осени: «*…с удивленьем я смотрю на всех:// как чисто всё! Как Богу удались мы!…*».

Ангел снилось за мной пришел и сказал пора
Ну пора так пора говорю тебе видней
Он крылом меня обнял укрыло тепло пера
Запах чабреца дух яблока гул морей

В голове поплыл и покой набежал летим
Несказанно легко но проснуться хотелось мне
Потому что весь путь я слышу как на земле
Кто-то плачет и спорит с ним.

С другой стороны, эти находки именно рассыпаны. И многие стихи – как дневниковые записи впечатлений или те же камешки: каждый из них – и вправду образ, но цельного поэтического мира пока что нет. А вариантов насчёт того, кто именно плачет и спорит с ангелом, похоже, немного.

Иной раз лирический герой «Водомера» ощущает, что в городе, который кажется ему собственной комнатой, он знаком с любым человеком. Однако хоть сколько-нибудь персонифицируются в его стихах только мама («*…и мать засыпает с лицом изумленным…*»), любимая («*…и у любимой волосы тесны,// в них руки, будто дети в темноте…*») и почему-то Юлий Цезарь. Так что собственноручно записанное поэтом в дневник правило («*не любишь человека – не говори о нем*») позволяет предполагать в этом герое некую последовательную мизантропию. Он и римскому императору в его смертный день, советуя не спешить в Сенат, а задержаться и посмотреть, как хороша округа,

играючи напоминает: «*…В небе, Цезарь, нету// никакого зла./ Ни в луче, ни в древе,// ни в свече цветка,// в человечьи двери// не войдешь пока…*».

Игра эта, впрочем, подобно некоторым другим стихотворениям «Водомера», весьма походит на упражнения студента-филолога, которым незадолго до выхода книги был Андрей. Тут и не слишком скрываемые цитаты (*«Вот дом, который не достроил Джек.// Так и стоит один во всей вселенной…»)*, напоминающие лёгкую дань постмодернизму, и форма, наводящая на мысль об увлечении, как водится, Бродским, и тут же, рядом – свидетельствующая о способности следовать традиционной силлабо-тонике…

То, что полученные Нитченко премии подтверждали его несомненный талант, отнюдь не мешало воспринимать их и как возможную попытку причислить многообещающего поэта к одной из столичных литературных тусовок. Показать, насколько серьезно отнесётся Андрей к такому причислению, в каком из направлений заскользит дальше его вечно живой водомер, должно было время, отмеряемое всё теми же песочными часами, объединяющими разные доли и измерения пространства. За минувшие с той поры годы нового рывка пока что не произошло.

2006 г.